

УДК 343.1

Т. В. Топчиева

*доцент кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук*

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В последнее время в уголовном процессе России и стран СНГ довольно широкое распространение получили согласительные процедуры, в частности различного рода соглашения, которые в большей степени свойственны странам англосаксонского права (Великобритания, США). До определенного момента процессуальные соглашения в уголовном процессе стран СНГ не использовались. Однако в разные периоды времени в уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран, находящихся на постсоветском пространстве, существовали и существуют некоторые виды согласительных производств (прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон; особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением — Россия; прекращение уголовного дела и уголовного преследования с привлечением виновного лица к административной ответственности (передача материалов на рассмотрение товарищеского суда, в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим), деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, соглашение о достижении примирения в порядке медиации, упрощенное/ускоренное досудебное производство и судебное разбирательство дела в сокращенном порядке — Казахстан; соглашение между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании виновности, соглашение о примирении между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) — Украина и др.).

Вместе с тем с развитием национального уголовно-процессуального законодательства стран СНГ все большее значение приобретает процессуальная истина, что обуславливает появление новых согласительных процедур, не свойственных уголовному судопроизводству стран континентального права, которые содержат элементы, сходные с историческими и зарубежными, имея при этом уникальные черты отечественной правовой системы. К таковым процедурам следует отнести: досудебное соглашение о сотрудничестве (Россия, Беларусь), соглашение о признании вины и соглашение о сотрудничестве (Казахстан), соглашение между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании виновности (Украина) и др. В науке уголовного процесса рассматриваемые процедуры принято относить к сделкам о признании вины. При этом следует отме-

тить, что, несмотря на их общие черты (признание вины, согласие с предъявленным обвинением), сделки учитывают особенности национального законодательства, имеют различное назначение и индивидуальные процессуальные особенности. Вместе с тем одним из актуальных вопросов, возникающих в ходе реализации процессуальных соглашений стран СНГ, является обеспечение прав их участников. Российская Федерация и Республика Беларусь не являются исключением.

Наиболее заинтересованным лицом в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является подозреваемый, обвиняемый. Однако анализ норм уголовно-процессуального законодательства России и Республики Беларусь свидетельствует о том, что реализация прав подозреваемого (обвиняемого), заявившего ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, ограничена как на этапе заявления ходатайства, так и при исполнении досудебного соглашения о сотрудничестве. В частности, нормы УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь до сих пор не содержат указания на момент разъяснения права на заключение соглашения и субъекта реализации данного права. Несомненно, нормы уголовно-процессуального закона следует толковать системно. Исходя из положений принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России (ст. 11 УПК Российской Федерации) [1], право подозреваемого, обвиняемого на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве корреспондирует следователю, а затем прокурору обязанность разъяснить права, обязанности, последствия нарушений последних, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав. Анализ правоприменения норм ст. 317.1 УПК Российской Федерации свидетельствует о том, что право на заявление ходатайства разъясняется следователем подозреваемому, обвиняемому при наличии оснований, указанных в ч. 2 ст. 317.1 УПК Российской Федерации, перед их первым допросом. Кроме этого, разъясняется сущность (содержание) соглашения, порядок оформления, правовые последствия его неисполнения, о чем составляется протокол в присутствии защитника. Таким образом, российский правоприменитель пытается нивелировать пробельность норм ч. 1 ст. 317.1 УПК Российской Федерации, что не исключает необходимости дальнейшей их законодательной регламентации. В УПК Республики Беларусь обязанность разъяснения подозреваемому, обвиняемому права заявлять ходатайство о сотрудничестве вытекает из норм ст. 17. При этом нормы главы 49¹ УПК Республики Беларусь не содержат этого предписания [2].

Другим немаловажным вопросом, связанным с обеспечением прав подозреваемого, обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, является конституционное право на защиту. Нормы ч. 1 ст. 317.1 УПК Российской Федерации напрямую закрепляют необходимость участия защитни-

ка как при подаче ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве, так и непосредственно при его составлении и подписании. Данная позиция законодателя основывается на соблюдении принципа состязательности сторон: принимая решение о сотрудничестве со следствием, подозреваемый (обвиняемый) реализует свое право защищаться любыми способами, не запрещенными уголовно-процессуальным законом, а содействовать ему в этом и оказать квалифицированную юридическую помощь призван защитник.

Заключая соглашение о сотрудничестве, сторона защиты вступает в обязательственные правоотношения, в которых подозреваемый (обвиняемый) исполняет взятые на себя обязательства, а защитник выступает гарантией добровольности взятых на себя подозреваемым (обвиняемым) обязательств и соблюдения законности применяемых в отношении него процессуальных решений, а также способствует осуществлению прав подозреваемого, обвиняемого в полном объеме.

Как ранее нами указывалось, хотя законодатель и определяет необходимость участия защитника при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, однако не закрепляет это положение в ст. 51 УПК Российской Федерации, устанавливающей случаи обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве, что является пробелом российского уголовно-процессуального законодательства. Несмотря на то, что процедура досудебного соглашения о сотрудничестве предусматривает принятие судебного решения в особом порядке, в котором участие защитника обязательно, нормы п. 7 ч. 1 ст. 51 УПК Российской Федерации не могут охватить весь институт досудебного соглашения о сотрудничестве [3, с. 417], в то время как положения уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь в части обеспечения права подозреваемому, обвиняемому на защиту более логичны и последовательны (нормы ст. 45 УПК Республики Беларусь напрямую предписывают следователю предоставить защитника при заявлении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) [2].

В настоящее время наиболее актуальным вопросом в уголовном процессе России и Республики Беларусь, связанным с обеспечением прав подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, а также осужденного, выполнившего условия заключенного соглашения и дающего показания в отношении соучастников преступления, является определение их процессуального статуса. В России формально законодателем статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, определен (ст. 56.1 УПК Российской Федерации) [1]. В Республике Беларусь лица, заключившие и выполнившие условия досудебного соглашения о сотрудничестве, являются обвиняемыми, подсудимыми и осужденными по своему уголовному де-

лу, выделенному в отдельное производство. В то же время при даче показаний по основному делу в отношении соучастников преступления лица, заключившие досудебное соглашение о сотрудничестве, допрашиваются в качестве свидетелей, что влечет смешение процессуальных статусов. В связи с этим следует признать опыт Российской Федерации более прогрессивным, направленным на максимальное обеспечение прав участников досудебного соглашения о сотрудничестве.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации по основному уголовному делу данное лицо выступает в качестве свидетеля, дающего показания в отношении соучастников преступления либо об обстоятельствах совершения иных преступлений. Бесспорно, такой свидетель отличается особым процессуальным статусом, поскольку фактически является соучастником совершенного преступления. В таком случае возникает вопрос: какую процессуальную функцию он выполняет? Нейтральную, как и иные участники уголовного судопроизводства, поскольку нормы закона, регламентирующие статус особого свидетеля, размещены в главе 8 УПК Российской Федерации с одноименным названием? Или функцию защиты, поскольку, являясь соучастником преступления, располагает информацией об обстоятельствах совершенного преступления и дача показаний обусловлена условиями заключенного соглашения, невыполнение которого влечет негативные последствия?

В науке уголовного процесса определенная позиция по данному вопросу пока отсутствует. В этой связи хотелось бы обратиться к зарубежному опыту. В некоторых странах (США, Германия, Швейцария) уголовно-процессуальное законодательство различает понятия «свидетель» и «сообвиняемый». В частности, в УПК Швейцарии используется термин *die Auskunftsperson* — «лицо, являющееся источником сведений», который определяет статус участника уголовного судопроизводства, являющегося синтезом свидетеля и обвиняемого [4, с. 9]. В буквальном переводе на русский язык рассматриваемый термин обозначает «информационное или справочное лицо». Примечательно то, что при проведении сравнительного лексического анализа значений однокоренных слов в латинском и немецком языках их значение тождественно. В основе слов заложено значение «справка». Соответственно, в уголовном процессе участвует лицо, которое совершило преступление, располагает сведениями об обстоятельствах его совершения и может об этом информировать правоохранительные органы. Таким образом, исходя из семантического анализа рассматриваемого понятия, лицо, совершившее преступление и обладающее сведениями об обстоятельствах его совершения, участника и дающее об этом показания, не может выступать свидетелем по уголовному делу в его традиционном понятии, закрепленном в ст. 56 УПК Российской Федерации. Более того, возникает вопрос

и о доказательственном значении показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку фактически являясь «сообвиняемым», имеет свой процессуальный интерес в разрешении уголовного дела. Показания такого лица не могут быть положены в основу обвинения соучастников преступления, а могут носить лишь справочный характер. Следует учесть и правовую позицию Европейского суда по правам человека, который неоднократно указывал на то, что показания соучастников преступления могут использоваться только для установления события инкриминируемого подсудимому преступления, а также обстоятельств своего собственного участия в совершенном преступлении [5–7].

Обозначенные проблемы требуют скорейшего своего разрешения на законодательном уровне, поскольку надлежащее обеспечение прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, вовлеченных в процедуру досудебного соглашения о сотрудничестве, будет соответствовать международным и конституционным нормам Российской Федерации и Республики Беларусь.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Топчиева Т. В. К вопросу обеспечения права на защиту при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности, 29 апреля 2016 г. : материалы конф. Краснодар : КрУ МВД России, 2016. 586 с. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовно-процессуальное уложение Швейцарии / пер. А. А. Трефилова. М. : Юрайт, 2011. 1502 с. [Вернуться к статье](#)

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 г. «Дело “Александр Валерьевич Казаков (Aleksandr Valeryevich Kazakov) против Российской Федерации”» (жалоба № 16412/06) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2008 г. «Дело “Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации”» (жалоба № 41461/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 2014 г. «Шолер (Scholer) против ФРГ». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)